
Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве)

В.М. ПЕШКОВА*

*Пешкова Вера Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: pever@mail.ru

Цитирование: Peshkova V. (2015) Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 129–151 (in Russian)

В статье под мигрантской или мигранто-ориентированной инфраструктурой рассматриваются создаваемые в Москве мигрантами из Киргизии и Узбекистана институции, основными потребителями услуг которых, как правило, являются трудовые мигранты. В мигрантскую инфраструктуру включаются этно-мигрантские объединения, «этнические» кафе и медицинские центры, посреднические фирмы и мигрантские сети. Дисперсное расселение в Москве большей части трудовых мигрантов объясняет отсутствие выраженной тенденции к их анклавизации и, следовательно, к концентрации данной инфраструктуры в конкретных столичных районах. Согласно автору статьи, основная причина появления подобных институций состоит в том, что из-за ограниченного доступа к некоторым ресурсам принимающего общества мигрантам приходится изыскивать возможности внутри своих сообществ, в которых часто через мигрантские сети оказываются взаимосвязаны все мигранто-ориентированные институции. Однако они играют неоднозначную роль, поскольку, с одной стороны, служат частичной изоляции мигрантов, с другой, с их помощью происходит адаптация последних. Появление мигранто-ориентированных институций само по себе является показателем определенной социальной инкорпорации. В заключение подчеркивается, что не все потребности мигрантов удовлетворяются с помощью мигрантской инфраструктуры, поэтому они активно осваивают и общегородскую столичную инфраструктуру.

Ключевые слова: трудовые мигранты, миграция из Узбекистана и Киргизии, мигрантская инфраструктура, мигрантские сети, интеграция мигрантов, стратегии самоорганизации мигрантов

Краткая характеристика миграционной ситуации в России

Хотя приток внешних мигрантов в Россию продолжался на протяжении всего постсоветского периода, Российская Федерация как иммиграционное принимающее государство сложилась только в 2000-е. В последние годы, по данным Федеральной миграционной службы, на территории нашей страны одновременно находятся 10–11 млн иностранных граждан: по показателям на август 2014 г., почти 9 млн из их числа родом из государств, входивших в Советский Союз, в первую очередь, из Средней Азии (более 40% или примерно 4,9 млн чел.), 2 млн – из Украины, прибывших из Молдовы и Азербайджана – по 600 тыс. чел. соответственно [Официальные статистические данные 2014]. Следует отметить, что начиная со второй половины 2000-х гг. значительно изменилась и доля присутствия иностранных работников трех посылающих среднеазиатских государств: так, если в 2005 г. на Узбекистан, Таджикистан и Киргизию приходилось 16,8% общего миграционного потока в Россию, то с 2008 г. их составляющая равняется уже 55% от всех официально работающих в России иностранцев и почти три четверти (73%) от работников из стран СНГ [Флоринская 2013].

Центрами притяжения мигрантов являются города и в первую очередь мегаполисы, и это вполне объяснимо: среди россиян преобладает городское население, и работу по социально-экономическим причинам проще найти в городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Московской и Ленинградской областях. Хотя статистика, дающая точное число иностранных мигрантов в Москве, отсутствует, различные экспертные оценки, отсылающие к данным ФМС, фиксируют цифру в 1 млн мигрантов.

Внешняя трудовая миграция в российские города приводит к заметным социальным, политическим и этнокультурным трансформациям, которые в свою очередь являются серьезным вызовом как для российских властей, так и для общества в целом. Причем реакция государства и принимающего общества чаще всего либо запаздывает, либо исполнение миграционной политики оказывается весьма далеким от положений, прописанных в Концепции государственной миграционной политики РФ [Концепция государственной миграционной политики 2012]. Сталкиваясь с многочисленными повседневными потребностями и не находя возможности удовлетворить их с помощью имеющихся в российских городах институций, мигранты начинают искать собственные пути посредством различных стратегий самоорганизации. Другими словами, инкорпорация иностранных мигрантов – это двусторонний процесс, успех которого зависит не только от политики принимающего государства, но и от поведения самих мигрантов. Причем мигранты в этом случае выступают и как объект миграционной политики и действий принимающего общества, и как субъект и равноправный актор процесса инкорпорации.

При этом следует иметь в виду, что прибывающие в Россию в составе разных миграционных волн в течение всего постсоветского периода не однородны по своим социально-демографическим характеристикам. Одну из значительных ролей в организации формальных и неформальных мигрантских связей и сообществ играет взаимодействие старожильческой части приехавших еще в советское время и недавно прибывших мигрантов. В результате формируются сообщества, которые являются гетерогенными по своим потребностям, истории переселения, стратегиям и уровню самоорганизации, со своими экономическими потребностями

ми. Помимо этого возникают новые экономические ниши и своеобразная мигранто-ориентированная инфраструктура, в первую очередь в сфере потребительских и посреднических услуг. Способствуют ли социальные институты, создаваемые и ориентированные на мигрантов, их инкорпорации или провоцируют формирование параллельного социального пространства и приводят к исключению или даже к сегрегации? Какую роль в этом занимают этнические и неэтнические стратегии? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы на примере узбекских и киргизских мигрантов в Москве.

Статья основана на данных нескольких исследовательских проектов. Первое из них, выполненное в 2009–2011 гг., было посвящено диаспорным СМИ и базировалось на 25 глубинных полуструктурированных экспертных интервью с редакторами и издателями диаспорных газет и журналов, с активистами этнических общественных организаций, а также на качественном анализе тематического содержания печатных диаспорных СМИ (всего не менее 40 наименований). Второе исследование проводилось в 2012 г. (пилотаж) и в 2013 г.¹: оно фокусировалось на изучении «этнических» кафе и их роли в инкорпорации мигрантов и трансформации столичного городского пространства. Эмпирическая часть состояла из серии включенных наблюдений (около 40 кафе: 21 киргизском и 15 узбекских), из анализа публикаций в СМИ, экспертных интервью с работниками кафе (20 интервью), опроса посетителей (собрано 210 анкет) и глубинных интервью с посетителями кафе (20 интервью). Наконец, в третьем исследовании 2013–2014 гг.² внимание было сосредоточено на том, как мигранты из Узбекистана и Киргизии осваивают социальное и городское пространство российской столицы, каким образом происходит расселение и формирование городских пространств с мигранто-ориентированной инфраструктурой. Эмпирическую базу данного проекта составили 60 глубинных интервью с киргизами и узбеками (этническая принадлежность определялась по родному языку), собрано 397 анкет³.

Западные подходы к влиянию расселения иммигрантов на формирование этно-мигрантских сообществ в городах

Изучение особенностей расселения иммигрантов является составной частью большинства западных теоретических работ, направленных на объяснение формирования этнических сообществ и интеграции/сегрегации. Англоязычная, она же американская, научная традиция начинает свой отчет с начала XX в., когда была основана чикагская школа социологии, долгое время являвшаяся единственной доминирующей парадигмой для понимания пространственной мобильности мигран-

---

¹ Проект «Инфраструктура миграционных сообществ как потенциал интеграции мигрантов и трансформации городских пространств (на примере этнических кафе в Москве), поддержанному грантом РГНФ № 13-33-01032. Год выполнения 2013. Руководитель – В.М. Пешкова, исполнитель – А. Чекалина.

² Проект «Трансформация городских пространств: анализ инфраструктуры миграционных сообществ (на примере г. Москвы)» при поддержке РФФИ 13-06-00855, руководитель – Е.Б. Деминцева., участники проекта в 2013 г. – Д.С. Елманова, В.М. Пешкова, А.Л. Рочева; в 2014 г. – В.М. Пешкова, Д. Кашницкий.

³ Среди опрошенных 17,6% имели российское гражданство, однако срок его давности составил 2–3 года и за некоторым, пусть и важным, исключением существенно не менял статус мигранта, поскольку большая их часть даже при наличии российского гражданства не планировали жить в России. Подробнее о методологии исследования см. в [Деминцева, Пешкова 2014].

тов и того, каким образом происходит инкорпорация иммигрантов в американское общество. В ее рамках были выделены и изучались такие формы расселения мигрантов в городах, как гетто или этнические анклавы, которые, согласно чикагской школе, являются результатом комбинации как внешних выталкивающих факторов (например, дискриминации и предубеждения), так и внутренних оснований (этнической солидарности и взаимных интересов).

Моделью расселения для американских иммигрантских сообществ являлись нью-йоркские гетто, расположенные, как правило, в центре города [Burt 2005]. Причем большей части жителей таких поселений приходилось жить в них из-за ограниченного социального и человеческого капитала, к тому же часто основанного на этнических связях, что приводило к сегрегации мигрантов [Flippen, Parrado 2012; Logan, Wenquan, Alba 2002; Massey 1985]. Но по мере улучшения материального положения, а также роста уровня образования и знания английского языка многие иммигранты стремились переехать из этнических анклавов в районы, не заселенные иммигрантами, и постепенно ассимилировались. Этот процесс описывается хорошо известной чикагской моделью пространственной ассимиляции иммигрантов [Берджес 2000; Парк 2002].

Изменения в составе международной миграции, а также новые тенденции в развитии городов (появление множественных ядер расселения, многофункциональное зонирование, джентрификация) нашли свое отражение в лос-анджелесской школе городских исследований [Dear, Dishman 2002; Marcuse, Kempen 2000; Bolt, Burgers, Kempen 1998; Brettell 2005; Kavita, Holloway 2005; Ray, Halseth, Johnson 1997]. Ее представители обратили внимание, что начиная с 1960–1970-х гг. в США выросло число иммигрантов из Латинской Америки, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, многие из которых сразу поселились в пригородах⁴. Рост числа иммигрантов из одной страны в пригородах привел к формированию районов, получивших название «этнопригород» или «мультиэтнический пригород», который являлся поселенческим и деловым анклавом с заметным кластером выходцев из одной страны [Li 1998]. Этнопригород функционировал как тип поселения, который имел одновременно некоторые характеристики и пригорода, и анклава, но при этом отличался от последних, в частности тем что в этнопригородах часто селились высокоресурсные мигранты [Li 2006].

Несмотря на изменения в составе внешней миграции, чикагская школа расселения иммигрантов в городах и ее модель пространственной ассимиляции во многих случаях не потеряли своей значимости и до настоящего времени [Katz, Berube, Lang 2005; Kruse 2012]. Так, до сегодняшнего дня остается актуальным тот факт, что на дисперсное или концентрированное расселение иммигрантов (особенно на начальном этапе) влияет их социальный и человеческий капитал. Другими словами, как в центральных районах города, так и в пригородах иммигранты оказываются не только из-за их экономического положения, но и благодаря родственным и дружеским сетям, посредническим институтам. Таким образом, ограниченный финансовый и социальный капитал вынуждает селиться в перенаселенных низкорасходных районах, в которых обеспечивается этническая и социальная поддержка. Оба типа расселения (как в центральных районах города, так и в пригородах) объединяет то, что внутри этих районов сосредотачиваются создаваемые мигран-

⁴ Этот феномен принял огромные масштабы, получив название «бум пригородов» (*boomburb*) [Katz, Berube, Lang 2005].

тами и ориентированные на них этнический бизнес, различные службы и институции (например, церкви, медиа- и коммуникативные сети, туристические агентства, магазины, рестораны, служба такси, отели, химчистки и др.) [Brettell 2005; Jenkins, Sauber, Friedlander 1985; Fong, Elic 2010; King 1996].

Европейские исследователи также предпринимали попытки изучить применимость этих двух основных разработанных в Америке моделей расселения иммигрантов к ситуации в Европе: например, сравнивая Маленькую Италию в Сан-Диего с Чайнатауном в Триесте, Л. Форд и его соавторы отмечают, что первоначально американское общество отрицательно отнеслось к подчеркиванию этнического характера того или иного района («Чайнатауны», «Маленькие Италии»), но после Второй мировой войны ситуация изменилась, и во многих американских городах стали создаваться специальные этнические тематические парки, что привело к росту благосостояния района и повышению цен на жилье. В Европе же, поскольку концентрированное расселение мигрантов нередко является результатом этнических конфликтов, власти многих стран (за некоторым исключением) выступают против «этнического брэндинга» и подчеркивания этничности того или иного городского района [Ford, Klevisser, Carli 2008].

Выбор района проживания и особенности расселения трудовых мигрантов в Москве

Изменения в российском обществе, вызванные внешней миграцией, инкорпорация мигрантов и миграционная политика нашли свое отражение в трудах многих отечественных социологов, географов и демографов [Зайнчковская 2009; Малахов 2014; Мукомель 2012; Рязанцев, Хорие 2010]. Также следует отметить работы сотрудников Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге [Бредникова, Паченков 2002; Бараулина, Карпенко 2004; Бредникова, Ткач 2012; Абашин, Чикадзе 2008]. Однако специального изучения мигрантской инфраструктуры и ее роли в инкорпорации мигрантов пока не было, и, как показывают многочисленные зарубежные исследования, прежде чем приступать к рассмотрению институций, создаваемых мигрантами и ориентированных на мигрантов, необходимо проанализировать их расселение в городе.

Очевидно, что московское городское пространство неоднородно: согласно урбанистам, в российской столице одновременно существуют индустриальные, гипериндустриальные, постиндустриальные, сервисные и спальные районы, что обусловлено множеством факторов, среди которых и эволюция городского развития, включая особенности советского градостроительства, этапы заселения, различные экономические уклады и т.п. [Muratov, Vendina 2013; Вендина 2014]. Исходя из этого, а также из традиции изучения взаимного влияния города и миграции, можно было бы предположить, что в расселении мигрантов в Москве тоже должна существовать дифференциация, определяемая как городским социально-экономическим структурированием, так и ресурсами мигрантских сообществ. Чтобы проверить эту гипотезу, был использован подход культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) анклавы [Калуцков 2013]. Центральным в определении вернакулярного района является локализация в восприятии

жителями отдельной городской территории, что, с одной стороны, влияет на пространственное поведение и самоидентификацию, а с другой, – определяется ими [Павлюк 2007]. На основе анализа таких показателей, как экономико-социальное развитие (благополучие-неблагополучие, престижность-непрестижность), характеристики застройки, а также предполагаемого расселения мигрантов были выбраны следующие реальные административные территории столицы: Восточный округ в качестве проблемного района, центр Северного и Юго-Западного округов как благополучные территории с возможно небольшой концентрацией мигрантов, и, наконец, Западный округ в качестве части города с тенденцией к появлению мигрантов [Деминцева, Пешкова 2014], далее в каждом из округов было отобрано по одному вернакулярному району. Этот двухэтапный отбор и сравнение конкретных московских районов с целью анализа дифференциации городского пространства под влиянием внешней миграции позволили сделать интересные выводы о взаимовлиянии города и расселения киргизских и узбекских мигрантов.

Освоение мигрантом Москвы начинается с выбора места проживания, и в большинстве случаев первым районом, куда приезжает мигрант, является часть города, где живут либо близкие и/или дальние родственники, или, если нет родственников, – где селятся друзья, земляки, односельчане. «... [Жил] у родственников, они в Москве давно, устроились здесь хорошо. Из-за этого они приглашали. Я у них жил долго. Год жил у них. Потом я себе снял квартиру с другими ребятами. Дальше уже сам» (мужчина из Киргизии, 28 лет, повар)⁵.

Поскольку основная цель приезда в Москву для большинства мигрантов из Узбекистана и Киргизии – устройство на работу, то в ряде случаев выбор района определяется интересами и возможностями работодателя, который и устраивает проживание мигранта. Один из наших собеседников рассказывал, что его первым жильем «...была квартира муниципальная что ли. Новая квартира. Мы сделали в подъезде кафель, все отделочные работы... Подъезда ремонт делали» (мужчина из Узбекистана, 35 лет, грузчик).

По мере приобретения опыта жизни в столице, увеличения круга общения происходит и расширение географии проживания и работы. Мигрант становится мобильнее, что, с одной стороны, выражается в частой смене места и иногда района проживания, а с другой, – эта мобильность облегчает поиски нового жилья и работы. Одной из распространенных причин таких метаморфоз является изменение семейных обстоятельств или несложившиеся отношения с соседями по квартире, но ключевым принципом (особенно при смене района) становится близость работы и места проживания. В связи с этим иногда даже муж и жена вынуждены жить в разных районах столицы или Подмосковья, потому что в этом случае каждому удобнее добираться на работу. Вот пример из одного интервью: «Он [муж] на стройке работает. Я здесь. Здесь не нашли ему работу ... [Он] на стройке живет. Там жилье дали» (женщина из Узбекистана, 37 лет, уборщица).

Следуя принципу близости дома и работы, две трети мигрантов, участвовавших в обследовании, тратят на дорогу максимум 30 минут, причем, как правило, работа находится в пешей доступности. «Близко к работе мужа, поэтому живем здесь. Мы долго искали квартиру, потом у знакомых взяли телефон, позвонили, приехали, посмотрели, нам понравилось, мы и остались» (женщина из Узбекистана, 26 лет, уборщица).

⁵ Здесь и далее сохранены стилистика и лексика оригинальных интервью.

Исходя из того, что длительность проживания в одном районе и стаж работы на одном месте у большинства обследуемых не превышают двух лет, можно утверждать, что в настоящее время ни на одной исследуемой территории нет и пока не может существовать тенденции к закреплению мигрантов. Одной из причин является то, что значительная часть трудовых мигрантов не успевают укорениться из-за относительной краткосрочности пребывания. Этому также способствует и то, что подавляющее большинство мигрантов работают в сфере обслуживания – общепите, торговле, ЖКХ, – а такой вид трудовой деятельности можно найти в любом районе Москвы. Таким образом, если рассматривать среднестатистического трудового мигранта из Узбекистана и Киргизии, то они, как правило, живут практически в одинаковых условиях во всех четырех выделенных нами вернакулярных административных округах Москвы.

Мигрантская инфраструктура

В анализе городской инфраструктуры, которой пользуются трудовые мигранты, можно применить несколько подходов, первый из которых предполагает оценку того, какой инфраструктурой мигранты пользуются в «своем» районе и/или в других районах Москвы и в городе в целом. В рамках второго подхода удобно выявлять инфраструктуру буднего, выходного и праздничного дней. Третий подход позволяет увидеть городскую инфраструктуру, использование которой определяется потребностями мигранта, что в определенной степени перекликается с предыдущим подходом, поэтому можно выделить инфраструктуру повседневности, инфраструктуру досуга и инфраструктуру, которая предоставляет образовательные, медицинские, посреднические и другие услуги. В будние дни это в первую очередь транспорт, покупка продуктов и других предметов первой необходимости; в свободное время после работы и особенно в выходные дни это покупка одежды, авиабилетов, обращение к банковским услугам, встреча с друзьями, родственниками, семейные праздники и т.п. Последний, третий, подход фокусируется на использовании мигрантами либо общегородской инфраструктуры (магазины, рынки, общественные места отдыха и т.п.) и/либо инфраструктуры, создаваемой мигрантами в первую очередь «для себя», чаще всего в сфере услуг.

Тем не менее предлагается применить четвертый подход и рассмотреть инфраструктуру, создаваемую преимущественно мигрантами из Узбекистана и Киргизии в Москве. Она включает в себя этнические объединения, этно-мигрантские ассоциации, различные посреднические фирмы (агентства по продаже авиабилетов, агентства недвижимости, оформление документов и т.п.), «этнические» СМИ, медицинские центры, кафе и клубы, мигрантские сети, которые в значительной степени составляют основу мигрантских институций. Развитие и расположение мигрантской или мигранто-ориентированной инфраструктуры в Москве связано как с особенностями структуры и инфраструктуры постсоветского города, сохранением его «советской» планировки, так и с особенностями расселения мигрантов в столице [Деминцева, Пешкова 2014]. В определяющей степени в связи с тем, что мигранты живут во всех районах Москвы, используемые ими мигранто-ориентированные институции находятся в самых разных местах столицы.

Этно-мигрантские объединения

В России существует два типа общественных организаций, ориентированных на представление интересов и удовлетворение этнокультурных потребностей различных групп, в том числе мигрантских сообществ: некоммерческие организации и общественные объединения, которые в свою очередь делятся на национально-культурные автономии (НКА) и общественные организации (в различных формах: ассоциация, фонд, культурный центр). Согласно ФЗ от 17.06.1996 № 74 «О национально-культурной автономии», изначально НКА являлись внетерриториальной формой самоорганизации этнических общностей, функции которых ограничивались культурной областью и некоторыми представительскими функциями [Осипов 2004], к которым в последние годы также добавилась посредническая социальная, правовая и бытовая помощь мигрантам. Учредителями и членами НКА могут быть только граждане РФ⁶.

В отношении других, ориентированных на определенные этнические группы организаций, чья деятельность регулируется ФЗ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», важно отметить тот факт, что создавать такого рода объединения могут и физические лица, а их членами, в отличие от НКА, могут быть и неграждане РФ; такие этнические организации охватывают большую аудиторию, чем НКА. Кроме этого, ряд активно работающих этнических общественных объединений не входят в состав НКА, а в некоторых меньшинствах местные и региональные автономии вообще не создаются⁷.

Большинство узбекских и киргизских организаций были зарегистрированы именно в последние годы. По данным Министерства юстиции РФ, на июль 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 100 узбекских общественных объединений, из которых 30 – со статусом некоммерческих организаций, и 87 – со статусом общественных организаций, в том числе 18 региональных и местных национально-культурных автономий. В Москве административно зафиксированы 10 организаций, в том числе 1 местная узбекская НКА, 2 некоммерческих фонда, 2 некоммерческих партнерства и 5 региональных общественных организаций; также в Московской области зарегистрирована 1 региональная общественная организация [Информация 2014]⁸.

Что касается организаций киргизов в России, то в настоящее время зарегистрированы 60 объединений: 11 некоммерческих (5 фондов и 3 партнерства), 1 религиозная и 47 общественных (включая 11 региональных и местных НКА), в самой Москве действуют 12 организаций (6 общественных и 6 некоммерческих). Среди них, например, некоммерческий «Фонд содействия трудовым мигрантам Киргизской республики», благотворительный фонд помощи мигрантам и эмигрантам из Киргизской Республики «Иммигрант». Наиболее активны в настоящее время ассоциация Международный конгресс киргизов и соотечественников «Замандаш»

⁶ В настоящее время, по данным Министерства юстиции, в РФ зарегистрировано 1034 национально-культурных автономии различного уровня, из них в Москве находятся 84, в Московской области – 51 национально-культурная местная и региональная автономия [Информация 2014].

⁷ Согласно данным Министерства юстиции РФ, на 23 июля 2014 г. в России насчитывается 225 983 некоммерческих организации, из них – 62 360 общественных объединений, в Москве – 33 937 некоммерческих организаций [Информация 2014].

⁸ Одной из самых крупных общероссийских узбекских организаций является «Всероссийский Конгресс узбеков, узбекистанцев», созданный в 2011 г., который взаимодействует с узбекскими культурными центрами в более чем 50 российских регионах.

и общероссийская общественная организация «Киргизский конгресс», между которыми существует конкуренция за аудиторию, лидерство, распределение ресурсов.

Особенность подобных этно-мигрантских организаций состоит в том, что в большинстве случаев они создаются представителями поколения, приехавшими в Москву из Узбекистана или Киргизии еще в советское время, и, следовательно, являются хорошо интегрированными гражданами России, которые используются как социальный и финансовый ресурс. Некоторые узбекские и киргизские организации специализируются на одном виде активности, но большинство, как правило, декларируют несколько направлений: реализация просветительских и культурно-образовательных программ и мероприятий; взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления и с заинтересованными некоммерческими организациями; работа с организациями в стране исхода; издательская и информационная деятельность; защита прав мигрантов и содействие их легализации. Однако в реальности значительная часть этой активности приходится на культурную, посредническую деятельность, и, несмотря на статус некоммерческих организаций, эти практики носят коммерческий характер. Хотя в мигрантских коммуникациях подобные организации не играют главенствующей роли, тем не менее их не стоит недооценивать в том числе и потому, что связи между организациями, другими мигрантскими институциями и трудовыми мигрантами значительно сложнее. Например, при определенной поддержке киргизской общественной организации «Киргизский конгресс» на площадке Торгового центра «Кыргызстан» функционирует киргизский медицинский и информационный центры, проводятся мероприятия для мигрантов из Киргизии, создавая институциональные возможности для поддержания чувства общности и «празднования идентичности» [Brettell 2005, p. 279].

Мигранто-ориентированные СМИ

Одним из направлений работы наиболее активных этнических организаций является издательская деятельность. На основе анализа совокупности данных – учредителя и издателя, основных тематических рубрик, финансирования и пространства, периодичности, тиража и объема, читательской аудитории и ее численности – можно условно выделить три категории печатных изданий [Пешкова 2013], одна из которых – мигрантские издания, появившиеся в середине 2000-х гг. и представляющие собой, как правило, информационно-общественные, периодические (чаще всего ежемесячные), практически-ориентированные, среднетиражные (до 15 000 экз.), двуязычные (иногда моноязычные) газеты⁹.

Вопрос языка жизненно важен, поскольку большую часть аудитории этих бесплатных печатных СМИ¹⁰ составляют недавние мигранты, среди которых

---

⁹ Издания, ориентированные на мигрантов из Киргизии и Узбекистана, являются наиболее очевидным примером мигрантских изданий. В настоящее время, по экспертным оценкам, в России выходит минимум 10 киргизских газет, из которых 5 – в Москве («Глобус», «Москва КГ», «Кыргызстан», «Российские кыргызы», «Нур реклама») и несколько узбекских газет, среди них наиболее известные «Узбегим» в Москве, а также «Туран» и «Петербург Уз» в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Газеты, как правило, распространяются на оптовых и строительных рынках, в этнических кафе и магазинах; на различных мероприятиях при посольствах и консульствах, в культурных центрах; иногда в офисах крупных компаний (связанных экономическими отношениями со странами исхода); на регулярных рейсах авиакомпаний.

растет число лиц, не владеющих русским языком и, следовательно, попадающих в информационный вакуум.

Ведущая функция мигрантских изданий, конечно, информационная, дающая представление о деятельности российских властей в области миграционной политики; о правилах въезда и трудоустройства; о правовом оформлении и положении въезжающих в Россию; о вопросах, связанных с проживанием, здравоохранением и образованием детей мигрантов. Они являются важным каналом коммуникаций между мигрантскими сообществами, публичным пространством для (само)репрезентации и конструирования идентичности, а также источником альтернативным масс-медиа в репрезентации этно-культурного разнообразия, трансмигрантской идентичности и миграции в России. По мере развития значительная часть печатных СМИ начинают выпускать также и электронную версию.

Спектр российских Интернет-ресурсов, ориентированных на интересы и потребности мигрантских сообществ, намного шире: от информационно-аналитических порталов и сайтов организаций до форумов знакомств, развлекательных сайтов¹¹. Тематические сайты сочетают информацию самых разных видов: историческую, культурную, познавательную, бытовую. Заметную часть занимает реклама «этнических» агентств недвижимости, кафе, различных посреднических фирм, медицинских центров. Но, как представляется, наиболее важная функция Интернета состоит в том, что он является пространством для создания сообществ по интересам: мигранты используют их для поддержания связей, продвигающих миграцию и способствующих адаптации в месте проживания.

«Этнические» медицинские центры

Наиболее хорошо развита в Москве сеть киргизских медицинских центров. Их история начиналась с небольшого врачебного кабинета при посольстве Киргизии, затем на его базе была открыта клиника на территории Всероссийского выставочного центра, и за последние 5 лет число таких медицинских центров выросло с 3 до 20, где 70% пациентов составляют мигранты из Узбекистана и Таджикистана, реже – из Молдовы, Беларуси и Украины, приходят также и местные жители. По оценкам сотрудников этих медучреждений, до 15% посетителей центров – люди с российским гражданством, а половозрастной состав соответствует структуре мигрантов, другими словами, преобладают мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет.

Причины предпочтения, отдаваемых «этническим» клиникам, также объясняют рост численности подобных центров в последние несколько лет. Во-первых, стоимость услуг здесь несколько ниже, чем по Москве в целом, а в экстренных случаях мигранты могут получить и бесплатную помощь. Во-вторых, в таких медучреждениях, чтобы попасть на прием к врачу, достаточен минимальный ком-

---

¹¹ В настоящее время наиболее известные киргизские информационные порталы, это «Москва KG», «Бирге», «KGINfo.ru», «Salam-moskva.ru», «Boorsok.ru», «Bizde.info», «M312.ru», «Nurmoskva.ru» (на нем работает киргизское радио), и узбекские информационные порталы, например, такие как портал «Всероссийского конгресса узбеков», «12uz» и другие: радиостанция в FM-диапазоне на 94.0 (на казахском, узбекском или таджикском языках), радиостанция «Восток FM», таджикское радио Muhojir.

плект документов. *«У нас особенно не требуется никаких документов. Мне надо лично: фамилия, имя, отчество, год рождения и телефон, на всякий случай»* (врач киргизского медицинского центра). Третьей очень важной причиной является отсутствие языкового барьера между пациентом и врачом, причем нередки случаи, когда врач может объясниться с пациентом не только на русском и киргизском, но и на узбекском, и таджикском языках. Помимо утилитарности, когда пациент может без затруднения рассказать, что его беспокоит, общение на родном языке имеет и очень важное психологическое значение: по замечанию директора одного из клиник, *«они [пациенты] какую-то поддержку ждут, могут на своем языке выложить все, так им намного легче»*. Наконец, то, что центры работают и в выходные дни, что для некоторых пациентов является единственной возможностью попасть на прием к врачу.

По формальному статусу все «этнические» медицинские центры – это частные российские клиники, но персонал составляют, как правило, врачи-киргизы, граждане России. Они также трудятся в других клиниках, больницах, причем работа в «этническом» медучреждении чаще всего не приносит большого дохода. Такую патриотическую позицию ярко выразил один из врачей: *«...много наших врачей, кто в Москве работает, они не пошли к нам. Если бы я в московской [клинике] работал, намного больше бы заработал, может, патриотизм ...»*. Причем перечень специалистов центров (терапевты, гинекологи, венерологи, урологи, стоматологи, травматологи) определяется составом и потребностями пациентов-мигрантов в трудоспособном возрасте.

Основная функция «этнических» медицинских центров состоит в том, что их специалисты проводят первичный прием, ставят диагноз, затем либо вызывают скорую медицинскую помощь, либо направляют к специалисту в другие частные московские клиники и тем самым выступают в качестве посредников между мигрантами и городскими медицинскими структурами. «Этнические» центры оказываются незаменимыми также в случаях, когда пациент, например, попавший в городскую больницу по скорой помощи, не имеет возможности оставаться в больнице, но еще нуждается в лечении. Как минимум в одной киргизской клинике есть небольшое стационарное отделение и свое кафе. Иногда такие центры играют роль источников информации, компенсируя юридическую неподготовленность некоторых мигрантов. Информация о медицинских центрах распространяется довольно быстро: через рекламу в «этнических» печатных и электронных изданиях, с помощью визиток, а также по мигрантским сетям.

*Посреднические фирмы: агентства недвижимости,
оформление документов, микрокредитные организации*

В соответствии с федеральными законами о правилах нахождения трудовых мигрантов в России каждый трудовой мигрант из Киргизии и Узбекистана должен оформить документы о регистрации и разрешении на работу [Трудовые мигранты 2014]. Спрос на такие услуги нашел свое предложение со стороны множества официальных и неофициальных посреднических фирм, чья основная задача состоит в предоставлении коммерческой услуги по постановке на миграционный учет, оформлению регистрации, патента или разрешения на работу, в некоторых

случаях – трудоустройства. Довольно часто такие услуги предлагаются фирмами, созданными соотечественниками, и информация о них передается по мигрантским сетям. До января 2014 г.¹² в качестве сопутствующей и одной из самых востребованных услуг также была организация автомобильных и автобусных поездок каждые три месяца за пределы РФ (чаще всего в Украину) для продления нахождения на территории России.

В последние три-четыре года рынок посреднических услуг также дополнился мигранто-ориентированными агентствами недвижимости. Некоторые киргизские агентства недвижимости выросли из деятельности одного мигранта, который находил жилье себе, потом своим знакомым соотечественникам, – так формировалась клиентская база и создавались агентства недвижимости. Как и в случае с «этническими» медицинскими центрами, большинством клиентов этих агентств являются мигранты из Киргизии, но к их услугам также прибегают и другие трудовые мигранты, в основном из стран Средней Азии¹³.

Еще одна категория посреднической мигранто-ориентированной институции формируется в сфере финансовых услуг. Поскольку российские банки, как правило, не предоставляют кредиты без регистрации и/или без российского гражданства, создается этнический рынок микрокредитования, на котором наиболее крупной и активной является компания «Мол Булак». В настоящее время у компании 11 офисов в Москве, 5 филиалов в Московской области и офисы в 56 городах России. Юридически это российская микрофинансовая организация, основными клиентами которой являются мигранты из Средней Азии. По сравнению с российскими банками преимущество этой компании состоит в минимальном пакете документов, необходимых для обращения за кредитом: для его получения обязательно наличие нескольких поручителей или *«солидарная группа от трех до пяти человек, где каждый должен выступить поручителем за других»* (российское гражданство не требуется). Такими поручителями, как правило, выступают родственники и земляки, другие соотечественники. Сумма займа при первом обращении составляет от 20 до 40 тыс. руб., при повторном обращении и при положительной кредитной истории сумма займа может быть увеличена, срок займа – от 3 до 12 месяцев.

К микрокредитованию, как правило, прибегают в следующих ситуациях: при медицинском обследовании, получении разрешительных документов на работу и проживание, оплате за обучение детей, улучшении жилищных условий и даже для открытия бизнеса либо в России, либо на родине мигранта. Однако, как показывают данные нашего исследования, большинство трудовых мигрантов в случае необходимости одолжить денег в первую очередь обращаются к родственникам или односельчанам, которые создают для таких целей «черную кассу» или специальный фонд (киргизские мигранты называют его «фонд-банкет»).

¹² Согласно поправкам к законам «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», срок нахождения иностранных граждан, прибывших в Россию в порядке, не требующем получения визы, не может суммарно превышать 90 дней в течение 180 дней, если не имеется иных разрешительных документов.

¹³ В настоящее время наиболее активны такие агентства недвижимости, как «Даймонд Сити» (сотрудничает с соотечественниками и представителями «Великого Шелкового Пути»), «Паритет», «ИЖАРА КООМ», «Жетиген-недвижимость» (сотрудничает с соотечественниками из Средней Азии и РФ по вопросам аренды жилых и коммерческих помещений). Подобные фирмы предлагают услуги по аренде жилья как на длительный срок, так и на посуточный и почасовой основе, что для клиента оказывается дешевле аренды гостиницы.

«Этнические» кафе

Наиболее ярким примером мигрантской институции являются «этнические» кафе, ориентированные на мигрантов из Средней Азии. Сперва они открывались на крупных столичных рынках, но в последние 3-4 года подобные общепиты вышли за обозначенные выше территории: например, в настоящее время в Москве существует сеть ресторанов «Чайхана №1», которая также начиналась с небольшого ресторана на окраине Москвы во второй половине 1990-х гг.¹⁴. Кроме того, идет постоянное увеличение количества собственно мигранто-ориентированных кафе: по экспертным данным, если в 2012 г. насчитывалось 30–40 киргизских кафе, то в 2013 г. их количество выросло до 60.

Можно выделить две основные категории среднеазиатских кафе. Первая – это кафе-клубы, ориентированные преимущественно на мигрантов из Киргизии. Несмотря на их отсутствие в списках столичных ресторанных гидов, большая часть кафе-клубов располагается в пешей доступности от метро, но в то же время их нельзя обнаружить, если не знать точное месторасположение. В кафе-клубах среди посетителей преобладают киргизы, это люди разных страт, профессий, возрастов и с различным опытом миграции. Такие кафе через сетевые отношения завязаны, как правило, на другие элементы мигрантской инфраструктуры. Хорошим примером такого синтеза является кафе, открытое при киргизском медицинском центре: в дневное время его клиентами становятся прежде всего посетители и сотрудники центра, но вечером в нем также можно проводить банкеты «для своих». Некоторые киргизские кафе имеют деловые связи с киргизским культурным и торговым центром, с «этническими» медучреждениями, с небольшими этническими фирмами (службами такси, печатными изданиями и сайтами, с агентами по аренде жилья и т.п.). Другими словами, деловые сети и знакомства земляков взаимно дополняют друг друга, интенсифицируя общение.

Вторая категория среднеазиатских «этнических» кафе – узбекские чайханы, ориентированные на более широкую целевую группу, в первую очередь, на приверженцев мусульманской традиции, которой придерживаются представители многих этнических групп. *«... Сюда приезжают узбеки, киргизы, таджики. И куда они идут от вокзала? К нам, потому что у нас такая еда, к которой они привыкли. И даже, видите, резьба такая же, как дома. Мы знаем, что нужно, – и мы даем это. Кому-то зимой просто погреться нужно. У нас чай и лепешка стоят 30 рублей. Мы для людей работаем, мы всегда готовы помочь»* (администратор чайханы).

Несмотря на различия в режиме работы, в основном составе работников и клиентов, в моделях посещения, эти категории кафе выполняют схожие функции. Во-первых, они являются не только местом проведения досуга, но и местом, где мигранты могут получить самую разнообразную помощь у своих соотечественников: от бесплатной еды или обеда в долг до решения жилищных вопросов и проблем с устройством на работу. Во-вторых, киргизские кафе-клубы и узбекские чайханы – это публичное городское пространство, где представители мигрантских сообществ имеют возможность пообщаться со своими родственника-

---

¹⁴ Однако сейчас эта сеть ресторанов утратила мигранто-ориентированную специфику и является популярным «восточным» местом.

ми и земляками, расширить эти сообщества, а также создать новые сообщества в виде сетей по работе, по организации досуга. По словам администратора одного из киргизских кафе: *«Мы со своими много общаемся. Приходят человек 50, с каждым поговоришь, кто, где работает. Как работает. Нет работы – стараемся помочь. Кто сюда приходят те, кто друг друга знают»*. В-третьих, такие кафе являются примером этнического предпринимательства, поскольку предоставляют рабочие места для соотечественников, позволяют мигрантам начать свой бизнес.

Определенно то, что они представляют собой не просто точку общепита и место проведения досуга, но и служат основой формирования экономических единиц, играют исключительную роль центров общения и формирования различных иммигрантских сообществ.

Мигрантские сети

Мигрантские сети являются обязательным элементом любых миграционных процессов: они могут быть определены как множество межперсональных связей, которые объединяют мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов по происхождению через сети родства, дружбы и общего происхождения. Сети могут быть также определены в терминах организаций, которые включают признанные группы по интересам, например, этнический бизнес или группы интересов, привязанные к институциональным структурам, создаваемые посылающими и принимающими странами. Согласно исследованиям западных авторов, мигрантские сети служат усилению кластеризованных поселенческих моделей, поскольку привлекают вновь прибывших соотечественников своей доступностью, что в свою очередь упрощает формирование социальных сетей [Spencer, Petrice 2012; Kavita, Holloway 2005]. При этом важно отметить, что формирование мигрантских сетей, с одной стороны, зависит от уровня социального и человеческого капитала конкретного мигранта, с другой стороны, – участие в них само по себе уже является капиталом. Данное наблюдение верно и в отношении поведения мигрантов в России: в нахождении работы и места для проживания, получении регистрации, финансовой поддержке основная роль остается за родственными связями, часто понимаемыми как расширенные семейные связи, связи с друзьями и земляками.

Очевидно, что в основе большинства рассмотренных выше институций мигрантской инфраструктуры, складывающейся в Москве в последние годы, лежат различные мигрантские, точнее, семейные и различные земляческие (одноклассники, односельчане) связи. Можно предположить, что на формирование и состав некоторых социальных сетей мигрантов из Узбекистана и Киргизии в России, в частности, в Москве, определенное влияние оказывает традиционная система отношений, характерная для стран Центральной Азии, а именно трайбалистские и клановые отношения, усиление которых в постсоветский период во всех центральноазиатских республиках произошло вследствие актуализации феодально-патриархальных, родоплеменных, номадных отношений, особенно в сельских местностях [Князев 2012, с. 84]. По мнению ряда исследователей современного развития среднеазиатского региона, активизация клановых, махаллинских и других земляческих связей стала возможностью выжить, когда советская система

отношений была упразднена, а новая еще не сформировалась [Джунушалиев, Плоских 2000] и «самоорганизация общества на принципах трайбализма распространилась почти на все сферы жизни рода и способствовала его жизненному благополучию, самобытности, самостоятельности и целостности, составляя основу организационной, управленческой, хозяйственной, воспитательной, оборонной, судебно-правовой деятельности» [Князев 2012, с. 85]. В случае мигрантов из Узбекистана, возможно, более актуальны отношения, выстроенные по принципу отношений традиционных для махалли¹⁵, а для мигрантов из Киргизии, особенно из некоторых южных районов, – по родоплеменному принципу и принципу патронажа.

Согласно выводам специального исследования, посвященного влиянию родоплеменных (клановых) отношений на формирование/деформацию механизмов государственного управления в Киргизии, традиционная взаимопомощь между родственниками, под которыми часто понимаются все соотечественники из одного села, является заметной практикой солидарности и своеобразным неформальным институтом, которые играют позитивную роль в самоорганизации современных киргизов [Отчет Национального института 2013]. Они воспроизводятся в миграции и оказываются незаменимыми при мобилизации в экстренных, как правило, по печальному поводу, случаях. Показательна история одного трудового мигранта из Киргизии: *«Вчера звонили, родственника убили, нашего племени. Утром вышел в 9 часов в киоск, за сигаретами, толкнул одного парня – он сразу ножом ударил, на месте умер. Все собрали, у кого, сколько есть. По 500, по 1000, некоторые 2000–3000 рублей. У кого нет – 100, 50 рублей. Вчера больше 100 тысяч собрали. Продолжаем деньги собирать. Другие тоже дали деньги, кто встречался из Киргизии. Вчера где-то 150 человек [из нашего села] деньги собрали»* [мужчина из Киргизии, 30 лет, мерчендайзер].

Практики взаимопомощи фиксируются не только устно, но и письменно, что служит одним из способов взаимоконтроля и сохранения сети. По рассказу одного из мигрантов, мужчины из южной части Киргизии, при сборе денег, особенно по экстренному поводу, в его сети *«все записывается, чтобы знать, кто дал, кто не дал. Мы не знаем в Москве, кто приехал, кто нет. У нас же [в селе] около 15 тысяч человек живет. Отдают его родственникам. Чтобы он знал, кто дал, кто не дал. Сколько человек дало. Каждое метро есть киргизы из нашего села. Где-то сейчас 200–300 человек есть у нас. Например, я знаю, где 20–30 человек. Каждый запишет свой телефон, отдают водителю и там он, кто дал, не дал – фамилия видна. Если я не знаю, другой знает. Если вдруг какой-то несчастный случай, чтобы друг другу помочь следующую раз»*. Следует сказать, что сбор денег происходит не только по печальному поводу, но и на организацию коллективных мероприятий с участием родственников и земляков в Москве: *«Вот 9 мая мы собираемся. Но собираемся все, все село собирают. Новруз. Летом тоже, когда открытая площадка, в волейбол играем»* [мужчина из Киргизии, 30 лет, мерчендайзер].

Такая практика взаимопомощи через мигрантские сети, которые могут состоять как из односельчан и дальних родственников, так и друзей, однокурсников и земляков, иногда упоминается под названием «фонд-банкет».

---

¹⁵ Махалля – это форма местного самоуправления, с помощью которой выстраиваются социально-экономические взаимоотношения жителей махалли и осуществляется взаимодействие с вышестоящими органами городского управления; это также традиционный институт общения людей, отношений между старшими и младшими, традиционный способ взаимопомощи.

В нем, как правило, есть старший или ответственный за поддержание сети, в том числе и за сбор денег. Фонд пополняется на регулярной основе и тратится по различным поводам не только в Москве, но и на нужды села, родины мигрантов. *«... Собираешь и оправляешь, чтобы дорогу открыть, чтобы машинам легче возить. Каждый человек должен отдавать по 1000 рублей [в год]. За месяц 80 с чем-то рублей. Деньги остаются в нашем общем фонде, который для несчастных случаев или на селе что-то надо. В нашем фонде денег еще мало. Например, у нас есть [в одном селе] самый богатый фонд, у них где-то 1,5 миллиона. Деньги не тратят, проценты возьмут, когда праздник».* Подобная практика встречается и в сети другого мигранта из Киргизии: *«у нас, если гражданство есть, много денег получают здесь, они посылают туда – строить мост, строить мечеть. Если там больной человек, ему помогают. Да, у нас бывает, у меня бывает, лишнее получается тоже».*

Такая сетевая структура отношений, в частности, объясняет, каким образом киргизские мигранты оказались быстро и эффективно вовлечены, например, в деятельность российского представительства американской сетевой компании *Atway*¹⁶. *«Одна компания есть, там вообще мусульмане только. Слышали об Амвее? Там мой друг работает. Там много киргизов, поэтому я ходил туда. Каждый продает своему знакомому. Первый раз меня приглашали туда. Там арендовали большой зал. Выступали. Там почти тысяча киргизов было»* (мужчина из Киргизии, 29 лет, мерчендайзер).

В большинстве случаев мигрантская сеть начинает формироваться еще в стране исхода. Поэтому неслучайно, что первым местом жительства мигрантов в столице становятся квартиры родственников, друзей, в некоторых случаях землячков, а затем (уже в Москве) происходит расширение и рост сети. *«Через одного знакомого познакомились. Познакомились, пообщались, посидели где-нибудь. Вот так и они, если считают нужным пообщаться, поговорить там, звонят. Бывает так, чисто случайно встретиться можно. И из Узбекистана есть, и из Киргизстана есть. Знакомые знакомых. Даже некоторых не знал, а оказались дальними родственниками»* (мигрант из Узбекистана). *«Вместе работали, общались и знакомыми стали. В “Пятерочку” хожу, там девчонки работают, грузчики. Тоже так познакомились. Просто из Узбекистана: Андижан, Бухара, разные районы»* (мужчина из Узбекистана, 38 лет, грузчик).

Для Узбекистана более характерна квартально-территориальная форма организации общественной жизни, традиционно институционализированная в таком социальном институте общинного типа, как махалля. И уже в России мигранты-узбеки продолжают воспроизводить привычные для них отношения, сложившиеся в стране исхода: оказывают помощь при поиске места жительства и работы, делятся на регулярной основе деньгами, пищей, информацией. Приведем пример такой практики из рассказа мигрантки из Узбекистана, живущей в Москве с 2006 г. *«На махалле маме скажут – пусть она нам поможет. Они ко мне все приезжали: квартиру найди, работу найди. Первый раз, когда приезжают, все ко мне. Хотя бы 3–4 дня поживут и уходят. С деньгами с удовольствием помогу. Все равно с деньгами не приезжают. Еще вот в аэропорт приезжают – мы приехали. У нас знакомый таксист есть, поедет, привезет, они 2–3 дня живут, я квартиру найду,*

¹⁶ Компания по распространению витаминных комплексов, средств ухода за телом, мощных средств.

они уходят. Раз в год [приезжают], может, раз пять в год получится». В махалле в Узбекистане, как правило, известна информация о том, кто из земляков находится в миграции, и это тоже работает как своего рода контроль: «Они один раз в месяц приходят и спрашивают, ваши дети звонят? У них там нормально? Никто не исчез? Никто не умер? Мама говорит, да, они звонят. Если они не звонят хотя бы месяц, сразу нам скажите, мы будем искать» (женщина из Узбекистана, 37 лет, уборщица).

Заключение

Освоение городского социального пространства российской столицы мигрантами определяется множеством факторов, поэтому в данной статье были рассмотрены только некоторые из них.

Во-первых, дисперсное расселение большей части трудовых мигрантов из Узбекистана и Киргизии по всем районам Москвы влияет на то, что такие мигранто-ориентированные институции, как кафе, медицинские центры и посреднические фирмы также располагаются во всей территории российской столицы. Иными словами, в отличие от внутригородских анклавов и этнопригородов американских городов, в Москве отсутствует четко выраженная тенденция к концентрации подобных институций в отдельно взятом районе.

Во-вторых, на развитие мигрантской инфраструктуры оказывает влияние размер социального и человеческого капитала мигрантов, вследствие чего (по сравнению с мигрантами из Узбекистана) киргизские мигранты (многие из которых не так давно получили российское гражданство и характеризуются довольно хорошим знанием русского языка) имеют более высокий уровень самоорганизации. Это выражается также в том, что многие мигранто-ориентированные институции, особенно формальные (например, медицинские центры или «этнические» кафе), были созданы мигрантами из Киргизии.

В-третьих, была рассмотрена исключительно инфраструктура, создаваемая самими мигрантами и изначально ориентированная на них. Однако это не означает, что все стратегии самоорганизации мигрантов ограничиваются ими, а также то, что все потребности мигрантов удовлетворяются с помощью подобных институтов. Мигранты активно осваивают и общегородскую инфраструктуру, например, городские парки, торговые и развлекательные центры, аптеки, офисы мобильных операторов и т.д. Согласно данным нашего исследования, из упомянутых мигранто-ориентированных организаций чаще всего используются или как минимум широко известны «этнические» кафе, медицинские центры, а также полуформальные структуры по оформлению документов. При этом не следует недооценивать роль мигрантской инфраструктуры: из-за ограниченного доступа к некоторым ресурсам принимающего общества или недостатка информации о возможностях принимающей стороны мигрантам приходится совместно изыскивать ресурсы внутри своих сетевых сообществ, в которых оказываются взаимосвязаны все элементы мигранто-ориентированной сферы услуг. С одной стороны, это может служить определенной социальной изоляцией мигрантов, но, с другой стороны, в контексте современных миграционных процессов в России это является и одним из измерений их социальной инкорпорации.

Литература

- Абашин С., Чикадзе Е. (2008) Экономические мигранты из Центральной Азии: исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей. Отчет по проекту, поддержанному Институтом «Открытое общество» (2007—2008). М.: ЦНСИ.
- Бараулина Т., Карпенко О. (ред.) (2004) Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ.
- Берджесс Э. (2000) Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. № 4. С. 122–136.
- Бредникова О., Паченков О. (2002) «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 155–161.
- Бредникова О., Ткач О. (2012) Трудовые мигранты в Санкт-Петербурге: выявление проблем и выработка рекомендаций. Результаты исследования. СПб.
- Вендина О. (2014) Москва за пределами исторического центра: городские районы и их социальные лица // Московский городской форум // <http://issuu.com/mosurbanforum/docs>
- Вирт Л. (2005) Гетто (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. № 1. С. 126–156; № 2 С. 114–142.
- Воронков В., Освальд И. (ред.) (1998) Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Деминцева Е., Пешкова В. (2014) Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014 // http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn3
- Джунушалиев Д., Плоских В. (2000) Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml
- Зайнчковская Ж.А. (ред.) (2009) Иммигранты в Москве. М.: «Три квадрата».
- Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях (2014) // Министерство юстиции РФ. Список национально-культурных автономий, включенных в ведомственный реестр зарегистрированных некоммерческих организаций по состоянию на 23.07.2014 // <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
- Калуцков В. (2013) О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 2. № 1. С. 3–9.
- Князев А. (2012) Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек.
- Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года (2012) // <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
- Малахов В.С. (2014) Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН.
- Мукомель В.И. (2012) Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Горшков М.К. (ред.) Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник. М.: Новый хронограф. С. 236–263.
- Осипов А. (2004) Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Багдасарова Н., Глушкова М., Асылбекова Н. (ред.) Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): Материалы международного семинара. Бишкек. С. 151–184.
- Отчет Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики «Влияние родоплеменных (клановых) отношений на формирование (деформацию) механизмов государственного управления, негативные и положительные факторы». (2013) // http://www.nisi.kg/uploads/research_ph/07_clans_report.pdf
- Официальные статистические данные ФМС от 4 августа 2014 г. // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>
- Павлюк С.Г. (2007) Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества: на примере США и России. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата географических наук. Москва.
- Парк Р.Э. (2002) Экология человека // Баньковская С.П. (ред.) Теоретическая социология: Антология. М.: Книжный дом «Университет». С. 172–184.

- Пешкова В.М. (2013) Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 124–142.
- Рязанцев С.В., Хорие Н. (2010) Трудовая миграция в лицах: Рабочие-мигранты из стран Центральной Азии в московском регионе. М.: Экономическое образование.
- Трудовые мигранты (2014). Данные Федеральной миграционной службы России // ФМС // http://www.fms.gov.ru/foreign_national/
- Флоринская Ю. (2013) Масштабы трудовой миграции в Россию // Российский совет по международным делам // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top
- Bolt G., Burgers J., Kempen van R. (1998) On the Social Significance of Spatial Location: Spatial Segregation and Social Inclusion. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 13, no 1, pp. 83–95.
- Brettell C.B. (2005) The Spatial, Social and Political Incorporation of Asian Indian Immigrants in Dallas, Texas. *Urban Anthropology*, vol. 34 (2–3), pp. 247–280.
- Dear M.J. (ed.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Dear M.J., Dishman J.D. (eds.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Flippen C.A., Parrado E.A. (2012) Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina. *City & Community*, vol. 11, March 2012, Issue 1, pp. 1–30.
- Fong E., Elic C. (2010) The Effect of Social Standing, Individual Preferences, and Co-ethnic Resources on Immigrant Residential Clustering. *International Migration Review*, vol. 44, no 1, pp. 111–141.
- Ford L., Klevisser F., Carli F. (2008) Ethnic Neighborhoods and Urban Revitalization: Can Europe Use the American Model? *The Geographical Review*, vol. 98, no 1, pp. 82–102.
- Hatton T.J., Leigh A. (2011) Immigrants Assimilate as Communities, Not Just as Individuals. *Journal of Population Economics*, vol. 24, no 2, pp. 389–419.
- Jenkins S., Sauber M., Friedlander E. (1985) *Ethnic Associations and Services to New Immigrants in New York City*. Community council of greater New York.
- Katz B., Berube A., Lang R. (2005) *Redefining Urban and Suburban America: Evidence from Census 2000*. Brookings Institution Press.
- Kavita P., Holloway S.R. (2005) New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas. *The Geographical Review*, vol. 95, no 2, pp. iii–vi.
- Kempen van R., Özüekren A.Ş. (1998) Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World. *Urban Studies*, vol. 35, no 10, pp. 1631–1656.
- King A.D. (ed.) (1996) *Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis*. London: Macmillan.
- Krase J. (2012) *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. Farnham: Ashgate.
- Li Wei (ed.) (2006) *From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Li Wei (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 479–501.
- Logan J.R., Wenquan Z., Alba R.D. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, vol. 67, no 2, pp. 299–322.
- Marcuse P., Kempen van R. (eds.) (2000) *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* Oxford: Blackwell.
- Massey D. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, vol. 69, no 3, pp. 315–350.
- Muratov A., Vendina O. (2013) Towards to Superpark in ISSUU – SPACED. *Politics by Moscow Urban Forum*, no 2, pp. 398–417.
- Ray B.K., Halseth G., Johnson B. (1997) The Changing 'Face' of the Suburbs: Issues of Ethnicity and Residential Change in Suburban Vancouver. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 21, pp. 75–99.
- Spencer J.H., Flowers P.R., Seo J. (2012) Post-1980s Multicultural Immigrant Neighborhoods: Koreatown, Spatial Identities and Host Regions in the Pacific Rim. *Journal of Ethnic and Migrant Studies*, vol. 38, no 3, pp. 437–461.

Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)

V. PESHKOVA*

*Vera Peshkova – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: pever@mail.ru

Citation: Peshkova V. (2015) Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 129–151 (in Russian)

Abstract

This article focuses on the migrant (or migrant-oriented) infrastructure sustained by migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow. Migrant infrastructure is defined as the system of different ethnic and migrant associations, such as ‘ethnic cafes’, ‘ethnic medical centres’, migrant service agencies and migrant networks. One of the key features of this infrastructure in the Russian capital is that it is highly diffuse, and there are no particular places (i.e. ghettos or enclaves) in which migrants settle around Moscow. The infrastructure is also affected by disparities in the human and social capital of different migrants. For instance, Kyrgyz migrants tend to be more highly educated and have stronger social networks (and therefore more often possess Russian citizenship and speak Russian). It explains their higher degree of self-organization, and the corresponding fact that most migrant-oriented institutions are founded and run by Kyrgyz people. The institutions themselves emerge to compensate for the weak integrative role of host (i.e. Russian) institutions, to which migrants have limited access. Therefore migrant infrastructure plays a paradoxical role: it perpetuates migrants’ exclusion from the Russian community, while facilitating their adaptation to the new environment.

Keywords: labor migrants, migration from Uzbekistan and Kyrgyzstan, migrant infrastructure, migrant networks, integration of migrants, strategies of self-organization

References

Abashin S., Chikadze E. (2008) *Economicheskie migranty iz Tsentralnoi Azii: issledovanie transformatsii identichnosti, norm povedeniya i tipov sotsialnykh svyazei* [Economic Migrants from the Central Asia: Research on Identity Transformation, Everyday Rules and Types of Social Networks], SISR.

- Baraulina T., Karpenko O. (eds.) (2004) *Migratsiya i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and Nation-State], Saint-Petersburg: SISR.
- Bolt G., Burgers J., Kempen van R. (1998) On the Social Significance of Spatial Location: Spatial Segregation and Social Inclusion. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 13, no 1, pp. 83–95.
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) «*Ethnicheskoe predprinimatelstvo*» migrantov i mify *multikulturalizma* ["Ethnic Business" of Migrants and the Myths of Multiculturalism]. *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and Transformation of the Post-Soviet Societies] (eds. Malakhov V., Tishkov V.), Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, pp. 155–161.
- Brednikova O., Tkach O. (2012) *Trudovye migranty v Sankt-Peterburge: vyyavlenie problem i vyvabotka rekomendatsii. Rezul'taty issledovaniy* [Labor Migrants in Saint-Petersburg: a Study of Problems and Recommendations], Saint-Petersburg.
- Brettell C.B. (2005) The Spatial, Social and Political Incorporation of Asian Indian Immigrants in Dallas, Texas. *Urban Anthropology*, vol. 34, no 2–3, pp. 247–280.
- Burgess E. (2000) Rost goroda: vvvedenie v issledovatel'skii proekt [City Growth: Introduction into the Research Project]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sotsiologiya*, no 4, pp. 122–136.
- Dear M.J. (ed.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Dear M.J., Dishman J.D. (eds.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Demintseva E., Peshkova V. (2014) Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia]. *Demoskop Weekly*, no 597–598, 5–18 may 2014. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn3, accessed 6 August 2014.
- Dzhunushaliev D., Ploskikh V. (2000) *Traibalizm i problem razvitiya Kyrgystana* [Tribalism and Development Problems of Kyrgyzstan]. Available at: www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml, accessed 6 August 2014.
- Flippen C.A., Parrado E.A. Forging Hispanic (2012) Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina. *City & Community*, vol. 11, March, Issue 1, pp. 1–30.
- Florinskaya Y. (2013) Mashtaby trudovoi migratsii v Rossii [Scale of Labor Migration in Russia]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Board on International Affairs]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top, accessed 8 August 2014.
- Fong E., Elic C. (2010) The Effect of Social Standing, Individual Preferences, and Co-ethnic Resources on Immigrant Residential Clustering. *International Migration Review*, vol. 44, no 1, pp. 111–141.
- Ford L., Klevisser F., Carli F. (2008) Ethnic Neighborhoods and Urban Revitalization: Can Europe Use the American Model? *The Geographical Review*, vol. 98, no 1, pp. 82–102.
- Hatton T.J., Leigh A. (2011) Immigrants Assimilate as Communities, Not Just as Individuals. *Journal of Population Economics*, vol. 24, no 2, pp. 389–419.
- Informatsiya o zaregistrirovannykh nekommercheskikh organizatsiyakh [Information about Registered Non-government Organizations]. *Ministerstvo Yustitsii RF. Spisok natsional'no-kulturnykh avtonomii, vkluychennykh v vedomstvennyi reestr zaregistrirovannykh nekommercheskikh organizatsii po sostoyaniyu na 23.07.2014* [Ministry of Justice of Russian Federation. List of National-Cultural Autonomies Included in the Register of Non-Government Organization as of 23.07.2014]. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>, accessed 1 August 2014.
- Jenkins S., Sauber M., Friedlander E. (1985) *Ethnic Associations and Services to New Immigrants in New York City*. Community council of greater New York.
- Kalutskov V. (2013) O tipakh raionov v kulturnoi geografii [On the Typology of Districts and Cultural Geography]. *Kulturnya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no 1, pp. 3–9.
- Katz B., Berube A., Lang R. (2005) *Redefining Urban and Suburban America: Evidence from Census 2000*. Brookings Institution Press.
- Kavita P., Holloway S.R. (2005) New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas. *The Geographical Review*, vol. 95, no 2, pp. iii–vi.

- Kempfen van R., Özüekren A.Ş. (1998) Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World. *Urban Studies*, vol. 35, no 10, pp. 1631–1656.
- King A.D. (ed.) (1996) *Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis*, London: Macmillan.
- Knyazev A. (2012) *Vektory i paradigmy kirgizskoi nezavisimosti (ocherki post-sovetskoi istorii)* [Vectors and Paradigms of Kyrgyz Independence (Essays in Post-Soviet History)], Bishkek.
- Kontsepsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki RF na period do 2025* (2012) [The Conception of State Migration Politics of the Russian Federation Until 2025]. Available at: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>, accessed 10 August 2014.
- Krase J. (2012) *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*, Farnham: Ashgate.
- Li Wei (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, 479–501.
- Li Wei (ed.) (2006) *From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries*, Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Logan J.R., Wenquan Z., Alba R.D. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, vol. 67, no 2, pp. 299–322.
- Malakhov V. (2014) *Kulturnye razlitchiya i politicheskie granitsy v epokhu globalnykh migratsii* [Cultural Differences and the Limits to Policy in the Global Migration Age], Moscow: New Literature Review, Institute of Philosophy.
- Marcuse P., Kempfen van R. (eds.) (2000) *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* Oxford: Blackwell.
- Massey D. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, vol. 69, no 3, pp. 315–350.
- Mukomel' V. (2012) Transformatsiya trudovoi migratsii: sotsialnye aspekty [The Transformation of Labor Migration: Social Aspects]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in Reform]. Issue 11. (ed. Gorshkov M.), Moscow: New Chronograph, pp. 236–263.
- Muratov A., Vendina O. (2013) *Towards to Superpark in ISSUU – SPACED*. Politics by Moscow Urban Forum. №2, pp. 398–417.
- Offitsial'nye statisticheskie dannye FMS ot 4 avgusta 2014 goda* [Official Statistics from FMS as of 4 August 2014]. Available at: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>, accessed 8 August 2014.
- Osipov A. Natsional'no-kulturnaya avtonomiya v Rossii: ideya i realizatsiya [National-Cultural Autonomy in Russia: Ideas of Realization]. *Etnokul'turnoe mnogoobrazie – potentsial razvitiya obshchestva v stranakh Tsentral'noi Azii (praktika, kontseptsii, modeli, perspektivy)* [Ethno-cultural Diversity – Capacity for Societal Development in Countries of Central Asia (Practices, Conception, Models, Perspectives)] (eds. Bagdasarova N., Glushkova M., Asylbekova N.), Bishkek, pp. 151–184.
- Otchet Natsional'nogo instituta strategicheskikh issledovaniy Kirgizskoy respubliki «Vliyaniye rodoplemennykh (klanovykh) otnosheniy na formirovaniye (deformatsiyu) mekhanizmov gosudarstvennogo upravleniya, negativnye i polozhitel'nye factory»* (2013) [A Report of the National Institute for Strategic Research in Kyrgyzstan 'The Impact of Tribal Relationships on the Formation (Deformation) of State Governance, Positive and Negative Factors']. Available at: http://www.nisi.kg/uploads/research_ph/07_clans_report.pdf, accessed 9 August 2014.
- Park R.E. (2002) *Ekologiya cheloveka* [The Ecology of Man]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya* [Theoretical Sociology: an Anthology] (ed. Ban'kovskaya S.P.), Moscow: Knizhnyi dom «Universitet», pp. 172–184.
- Pavlyuk S.G. (2007) *Traditsionnye i istoricheskie raiony kak forma territorial'noi samoorganizatsii: na primere Ameriki i Rossii* [Traditional and Historic Regions as a Form of Territorial Self-Organization: Example of USA and Russia], Moscow.
- Peshkova V. (2013) Diaspornye pechatnye izdaniya kak alternativnoe mediinoe prostranstvo dlya reprezentatsii etno-kulturnogo raznoobraziya Rossii [Diaspora Printed Media as an Alternative Media Space for the Representation of Ethno-Cultural Diversity of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no 4, pp. 124–142.
- Ray B.K., Halseth G., Johnson B. (1997) The Changing 'Face' of the Suburbs: Issues of Ethnicity and Residential Change in Suburban Vancouver. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 21, pp. 75–99.

- Ryazantsev S., Khorie N. (2010) *Trudovaya migratsiya v litsakh: rabochie-migranty iz stran Tsentralnoy Azii v moskovskom regione* [Labor Migration in Persons: Migrants from Central Asia in Moscow Region], Moscow: Economic Education.
- Spencer J.H., Flowers P.R., Seo J. (2012) Post-1980s Multicultural Immigrant Neighborhoods: Koreatowns, Spatial Identities and Host Regions in the Pacific Rim. *Journal of Ethnic and Migrant Studies*, vol. 38, no 3, pp. 437–461.
- Trudovye migranty (2014) [Labor migrants]. *Federal'naya migratsionnaya sluzhba Rossii* [Federal Migration Service of Russia]. Available at: www.fms.gov.ru/foreign_national/, accessed 14 October 2014.
- Vendina O. (2014) Moskva za predelami istoricheskogo tsentra: gorodskie raiony i ikh sotsialnye litsa [Moscow Outside of Historical Centre: City Areas and Their Social Portraits]. *Moskovskii gorodskoi forum*. Available at: <http://issuu.com/mosurbanforum/docs>, accessed 6 August 2014.
- Virt L. (2005) Getto (glavy is knigi) [Ghetto (Chapters from the Book)]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Sotsiologiya. Seriya II*, no 1, pp 126–156; no 2, pp. 114–142.
- Voronkov V., Osvald. I. (eds.) (1998) *Konstruirovaniye etnichnosti. Etnicheskie obshiny Sankt-Peterburga* [Construction of Ethnicity. Ethnic Communities of Saint-Petersburg], Saint-Petersburg.
- Zainchkovskaya Zh. (ed.) (2009) *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow], Moscow: “Tri kvadrata”.